

Философия. Язык. Общество

Philosophy. Language. Society

DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-4-668-682

Научная статья / Research Article

Конструирование цифровой реальности: интеллектуальное versus социальное

В.И. Пржиленский✉

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9,
✉vladprnow@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — сравнительный анализ двух моделей конструирования реальности и их применимости к объяснению разнообразных эффектов процесса цифровизации. Реконструируется эволюция конструктивистских представлений о реальности в контексте спора реалистов и конструктивистов, являвшихся одним из наиболее значимых событий в эпистемологии и философии науки XX века. Автор показывает различия между интеллектуальным и социальным конструированием реальности, а также проводит сравнительный анализ философских теорий и концепций, описывающих данные альтернативы. Подвергается анализу интеллектуальное конструирование реальности, регулярно осуществляемое в теоретической физике на разных этапах ее развития. Отдельно рассматриваются философско-научные контексты, рождаемые социологией знания, теорией речевых актов и акторно-сетевой теорией. В статье также проводится различие между конструированием и конституированием реальности. Конституирование реальности в различных видах нетеоретического (дотеоретического, посттеоретического) мышления, фиксируемое при помощи средств и методов феноменологической философии науки, позволяет выявить и описать основные контексты, посредством которых слово «реальность» обретает значение и наделяется смыслом в интеллектуальных и социальных практиках современности. Особое внимание в статье уделяется понятиям «виртуальная реальность» и «цифровая реальность», показываются особенности интеллектуального конструирования виртуальной реальности. Обосновывается различие между интеллектуальным и социальным конструированием цифровой реальности как между двумя альтернативными практиками, определяющими смысл и перспективы цифровизации. Данное различие может быть особенно интересно тем, кто проектирует цифровые платформы и осуществляет цифровизацию в различных областях жизни человека и общества, особенно в таких как образование, судопроизводство, управление,

© Пржиленский В.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

экономика и бизнес. Сегодня, когда в этих сферах происходит отчасти стихийная, отчасти управляемая цифровизация, результаты данного исследования позволяют не только понять логику происходящих изменений, но и активно применять методы прогнозирования, планирования, то есть конструирования создаваемой ими цифровой реальности.

Ключевые слова: виртуальная реальность, цифровая реальность, интеллектуальное и социальное конструирование, конституирование реальности

Информация о финансировании и благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16041.

История статья:

Статья поступила 15.07.2021

Статья принята к публикации 03.10.2021

Для цитирования: *Пржиленский В.И.* Конструирование цифровой реальности: интеллектуальное versus социальное // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 4. С. 668—682. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-4-668-682

The construction of Digital Reality: Intellectual Versus Social

Vladimir I. Przhilenskiy✉

Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation,
✉vladprnow@mail.ru

Abstract. The aim of this article is to compare two models of reality construction and their applicability to explain the various effects of the digitalization process. The evolution of the constructivist ideas about reality is reconstructed in the context of the dispute among realists and constructivists, which was one of the most significant events in the epistemology and philosophy of science of the 20th century. The author points out the differences between the intellectual and the social construction of reality, and carries out a comparative analysis of the philosophical theories and concepts describing the aforementioned alternatives. The intellectual construction of reality, which often takes place in theoretical physics at different stages of its development, is also analyzed. Particular consideration is given to the philosophic-scientific contexts generated by the sociology of knowledge, the theory of speech acts, and the actor-network theory. The article also shows a distinction between the construction and the constitution of reality. The constitution of reality within various types of non-theoretical (pre-theoretical, post-theoretical) thinking, fixed using the means and methods of phenomenological philosophy of science, allows identifying and describing the main contexts through which the word “reality” acquires significance and is endowed with meaning in the present-day intellectual and social practices. Special attention is paid to the concepts of “virtual reality” and “digital reality.” The features of the intellectual construction of virtual reality are described. The difference between the intellectual and the social construction of digital reality is substantiated as between two alternative practices, which determine the meaning, and the prospects of digitalization. This distinction may be of particular interest to those who design

digital platforms and implement digitalization in various areas of human life and society, especially in as education, legal procedure, management, economics, and business. Today, when partly spontaneous, partly controlled digitalization is taking place in these spheres, the results of this study make it possible not only to understand the logic of the changes taking place but also to apply forecasting and planning methods actively, i.e., constructing the digital reality.

Keywords: virtual reality, digital reality, intellectual and social construction, constitution of reality, construction of reality

Funding and Acknowledgement of Sources. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16041.

Article history:

The article was submitted on 15.07.2021

The article was accepted on 03.10.2021

For citation: Przhilenskiy VI. The construction of Digital Reality: Intellectual Versus Social. *RUDN Journal of Philosophy*. 2021;25(4):668—682. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-4-668-682

Введение

Понятие реальности в современной науке, философии и даже повседневной жизни играет совершенно особую роль. С его помощью рождаются смысловые конструкции самого разного уровня общности, без него не обходятся многочисленные интерпретации мыслей людей, их намерений и действий. Э. Гуссерль сетовал на то, что с радостью заменил бы этот термин на что-то более простое и ясное, но не может найти ему никакой равноценной замены. Несколько столетий теоретики активно используют его при построении своих конструкций, периодически расслаивая единую реальность на физическую и социальную, правовую и языковую. Из пространства метафизики «реальность» перекочевала в различные области современной науки, а оттуда в сферы повседневного словоупотребления. Задаваясь традиционным вопросом о том, какова реальность, исследователи тут же сталкиваются с другим вопросом — как с этой самой реальностью соотносятся создаваемые для ее описания теоретические конструкции.

История данного понятия делает крутой поворот в ходе научной революции Нового времени, когда в центре научного познания оказываются не определение или систематизация качеств вещей и не разгадывание замысла их создателя, но скорее описание единой реальности, а также открытие ее законов. Фактически это характерно и для сегодняшнего дня, когда употребление этого «трудного» термина сталкивается с недопустимой для терминов многозначностью. Исходя из допущения о том, что значение слова — это его употребление, а также учитывая недавнюю историю конструктивизма, представляется оправданным сравнение концептуальных возможностей философии науки и социологии знания. Таким образом, прояснение различия между терминами «виртуальная реальность» и «цифровая реальность»

с неизбежностью приводит к необходимости рассмотреть два конкурирующих подхода к исследованию возможности конструирования цифровой реальности. Все это позволяет надеяться на успешное различение значения и смысла понятия реальности, рождающиеся в ходе герменевтического прочтения этого термина в контексте концептуальных оппозиций: «открытие — конструирование», «конструирование — конституирование», «свойство вещей — сверх-вещь», «интеллектуальное конструирование — социальное конструирование». Результаты анализа имеют значение для выявления и описания перспектив цифровизации различных социальных практик, таких как государственное управление, частный бизнес, судопроизводство и т.д.

«Открытие» реальности: изучение versus конструирование

Первое, что приходит на ум при упоминании проблемы реальности, это спор реалистов и конструктивистов, связывающий онтологию, эпистемологию и философию науки. Идеи конструирования знания о мире, особенно теоретико-понятийного знания, высказывались и до XX в. Так, уже в работах И. Канта критического периода высказывалась мысль о том, что человеческий разум постигает не предметы и явления непосредственно, но делает это посредством схем, содержащихся в понятиях чистого рассудка. Именно ему принадлежит утверждение о том, что «мы сами вносим порядок и закономерность в явления, называемые нами природой, и их нельзя было бы найти в явлениях, если бы мы или природа нашей души не вложили их первоначально» [1. С. 513].

Дискуссии о реализме стали одной из центральных тем философии науки, дисциплинарно отделившейся от эпистемологии в период, когда актуальным становится не только проектно-нормативный взгляд на науку с точки зрения теории познания, но и историко-критическое исследование науки как уже свершившегося предприятия, живущего и развивающегося по своим собственным законам. В этом контексте спор реализма и конструктивизма приобрел совершенно иные измерения: объективистские эпистемологические установки потребовалось адаптировать к новым представлениям о науке, вызванным к жизни историческим опытом развития научного знания [2].

В середине XX в. появилось различие метафизического реализма и научного реализма. Под метафизическим реализмом принято понимать позицию, в центре которой находится тезис о существовании реальности, независимой ни от индивидуального, ни от коллективного сознания. Научный реализм рождается в ходе полемики об онтологическом статусе научных терминов, референты которых недоступны непосредственному наблюдению. Впервые о научном реализме заговорил Х. Патнэм, видя в нем единственное объяснение успеха науки, не прибегающее к понятию чуда. «Утверждения о том, — писал Х. Патнэм, — что теории, принимаемые в зрелой науке, как правило, приблизительно истинны, что одни и те же термины могут иметь одинаковые референты, даже если они входят в состав разных теорий,

рассматриваются не как необходимые истины, а как составные части единственного научного объяснения успешности науки, а потому и как части любого адекватного описания науки и её отношений к рассматриваемым ею объектам» [3. Р. 73].

Оппоненты реалистов, конструктивисты или конструктивные эмпиристы, как правило, относили к реальности только эмпирически наблюдаемые объекты, в то время как теоретические конструкции эволюционируют в процессе развития науки. Одним из наиболее известных представителей конструктивизма в философии науки является Б. ван Фраассен, утверждающий, в частности, что «теоретическая фурнитура мира постоянно отвергается, устраняется и заменяется» [4. Р. 288]. Полемика реалистов и конструктивистов продолжается и в нынешнем столетии, хотя имеет место тенденция к преодолению «антагонизма» данного противоречия. Сторонники структурного реализма Д. Лидман и Д. Росс полагают, что «связность» (cohesion) и «причинность» столь же абстрактны и не наблюдаемы, как и другие теоретические понятия (сила, материальная точка, виртуальная частица) [5. Р. 300]. Более того, по мнению авторов, эти категории являются не научными, а метафизическими, что дезавуирует различие научного и метафизического реализма.

Ослабление противоречия приводит к признанию в той или иной форме тезиса о том, что реальность конструируется. В результате формируется концепция, называемая конструктивным реализмом, в которой понятие реальности не утрачивает первоначального и дотеоретического смысла, но не отрицается и ее конструктивный характер. Данной точки зрения придерживаются В.А. Лекторский [6], Т. Рокмор [7] и многие другие представители современной эпистемологии [8].

Эволюция понятия реальности: свойство вещей versus сверх-вещь

Генезис и эволюция понятия реальности не могут быть поняты вне контекста, рожденного спором об универсалиях, занявшим одно из центральных мест в средневековой схоластике. Стремясь установить видовую принадлежность общих понятий и сталкиваясь с выбором между родом вещей и родом имен, стороны останавливались перед вопросом о том, какой именно родовой признак присущ всем вещам и отсутствует у всего, что вещами не является. Этот самый признак и был назван вещественностью или реальностью (realitas), именно он казался тем самым признаком, который отделяет данный вид бытия от иных видов данного рода.

То, что изначально казалось простым и легким, далее оказалось сложным и запутанным. Не обнаружив в универсалиях ни свойств, однозначно объединяющих их с вещами, ни свойств, указывающих на их принадлежность словам (именам), схоласты ввели понятие концепта, имеющего свойства как вещей, так и имен, слов и даже звуков. По мере открытия такого «среднего» рода, частично объединяющего слова и вещи, привело к тому, что реальность

превращалась во все более технический термин. Постепенно реальность была инкорпорирована в аристотелевско-схоластическую метафизику, что привело к «открытию» и разных видов реальности: материальной, формальной, актуальной, потенциальной и др.

В XVII в. термин «реальность» используется во все еще схоластическом ключе, но реформа мысли, именуемая научной революцией и сводящая, среди прочего, вещи к числу, фигуре и характеристикам движения, закладывает основы перехода к новому пониманию реальности. Постепенно о реальности говорят не как о свойстве, а как об отдельном объекте, как о некоей сверх-вещи, которая не только объединяет все вещи, но и «растворяет» их в некоем гомогенном универсуме. «Одновременно наш ум воспринимал, — писал Р. Декарт, — величины, фигуры, движения и другие подобные вещи, кои являлись ему не как ощущения, а как некие предметы или модусы вещей, существующие вне нашего мышления... он замечает, в нем возникает некое ощущение... он погружен, он предполагает в объектах, на него воздействующих, тем больше реальности, чем более сильно их воздействие» [9].

Приведенная цитата не только дает нам пример уже не схоластического, но и еще не современного использования понятия реальности. Во фрагменте текста воспроизводится ход мысли, который лежит в основе интеллектуального конструирования реальности, а само это конструирование составляет содержание научной теории реальности, создаваемой путем соединения эмпирического материала, собранного посредством наблюдения, измерения и эксперимента с абстрактно-теоретическими конструкциями, созданными специально для этого. Так возникают движущиеся или покоящиеся материальные точки, изображаемые на чертеже при помощи точек и стрелок, указывающих расположение, направление перемещения и т.п. Физические величины, такие как масса, импульс, скорость или сила, могут быть измерены, а единицы измерения выстроены в некую систему. Именно так происходит интеллектуальное конструирование реальности, где в качестве образца для подражания выступает конструирование машины или любого другого технического приспособления.

Конструкция физической реальности эволюционировала в течении нескольких столетий. «После Максвелла — писал А. Эйнштейн — физическая реальность предстала в виде непрерывных, не поддающихся механическому объяснению полей, описываемых дифференциальными уравнениями в частных производных» [10. С. 138]. Благодаря самому Эйнштейну физическая реальность предстала в новом образе — как единый пространственно-временной континуум, все тела которого движутся по идеальному или наикратчайшему пути, описываемому уравнениями Эйнштейна — Гильберта. Спустя еще одно столетие в новейших физических теориях струн или электрослабого взаимодействия физическая реальность по-прежнему описывается математическими уравнениями.

Значение и смысл слова «реальность»: конструирование versus конституирование

В интеллектуальных практиках приходится иметь дело и с конститутивными, и со сконструированными реальностями. Конститутивная реальность представляется как часть естественной установки, если использовать феноменологическую терминологию. Постепенно, в процессе приобщения широкой общественности к достижениям науки, концепт реальности «просачивается» в пространство повседневной жизни. Так понятие реальности перемещается в область обыденного и становится частью постнаучного жизненного мира. Как отмечает Г. Харман, «существует различие между (а) реализмом как теорией автономного существования мира и (б) реализмом как теорией, обосновывающей нашу способность знать этот мир, и это различие часто игнорируется» [11. Р. 1].

Когда в поздний период творчества Э. Гуссерль обратился к понятию жизненного мира, он фактически предложил искать истоки проблем и смысла теоретического знания в сфере дотеоретического. Реабилитация обыденного знания прокладывала путь к представлению теоретико-познавательной деятельности в качестве одной из социальных и интеллектуальных практик, наряду с другими. «У человека в окружающем мире, — писал Э. Гуссерль, — есть много видов практики, и среди них этот своеобразный и исторически наиболее поздний; практика теоретическая. У нее свои собственные профессиональные методы, это искусство построения теорий, нахождения и закрепления истин, обладающих новым, чуждым донаучной жизни идеальным смыслом, смыслом некоторой “окончателности”, универсальной действительности» [12. С. 153]. Есть более «глубокий» и более «подлинный» смысл, принадлежащий пространству донаучного, дотеоретического и, одновременно с этим, к пространству посттеоретического, каковым, несомненно, является не-теоретическое в условиях, когда теоретическое уже существует.

«Понижение» статуса теоретического позволило повысить его функциональность — нерешенные теоретические проблемы перестали восприниматься как опасные и даже катастрофические недостатки выстраиваемых систем. Стало ясно, что их несложно нейтрализовать, переходя от строгих терминов и однозначно определенных посредством дефиниций понятий к многозначным словам, временно, но неизбежно выходя за пределы пространства теории, чтобы затем возвратиться туда вновь. «Поэтому, — утверждал Э. Гуссерль, — проблему способа бытия жизненного мира можно изложить саму по себе, можно целиком и полностью стать на почву этого просто созерцаемого мира, оставить вне игры все объективно-научные мнения, познания, чтобы затем во всеобщем аспекте обдумать, какие «научные» задачи, т.е. задачи, которые должны быть решены как общезначимые, встают в отношении его собственного способа бытия» [12. С. 169]. Мы видим, что поиски точки зрения, находясь на которой можно было бы рассматривать любую философскую или научную теорию не с позиции другой теории, но с иной позиции, дающей

возможность созерцать теоретическое как таковое, то есть как бы со стороны, обеспечивая тем самым независимость экспертизы, привели основоположника феноменологии к этому не совсем обычному понятию *Lebenswelt*.

Конструирование реальности: интеллектуальное versus социальное

Построенная в ходе научной революции XVII в. модель реальности была далека от чувственных восприятий, но использование этой реальности позволяло производить точные расчеты процессов и явлений, если, конечно, эти процессы и явления не выходили за рамки механики. Позже ее назовут физической, а еще позже механической, добавив к ней другие реальности, как физические, так и иные — природные, социальные, языковые и др. Как уже отмечалось, эта первая сконструированная реальность создавалась путем применения научного метода, обычно именуемого экспериментальным методом Галилея. Его составляющие и их взаимосвязь хорошо описаны в научно-философской литературе: это наблюдение, измерение, эксперимент, анализ, абстрагирование, обобщение, моделирование, верификация, фальсификация и др.

Сегодня, когда благодаря историкам и философам науки многое видится по-другому, становится яснее логика галилеевского конструирования. И если прежде слова Ф. Бэкона о необходимости «допросить по каждому из пунктов саму природу и искусства» [13. С. 229] казались скорее литературным приемом, то теперь пытливые умы увидели в них нечто большее. «Фактически дознание было начальным, — писал М. Фуко, — но основополагающим элементом формирования эмпирических наук; оно было юридическо-политической матрицей экспериментального знания, которое, как известно, стало очень быстро развиваться к концу средних веков. Пожалуй, правильно сказать, что математика родилась в Греции из техник измерения; естественные науки, до некоторой степени, возникли в конце средних веков из практики дознания» [14. С. 331]. Разочарование в проекте математизации социальной реальности как нельзя лучше выражается в работе П. Сорокина с характерным названием «Квантофрения» [15].

Альтернативный путь предложили социологи, которые стремились не к интеллектуальному конструированию реальности, а рассматривали возможность реконструкции социального ее конструирования. Этому в немалой степени способствовали новые открытия в области лингвистики и других гуманитарных наук. Если трансцендентальная феноменология помогла понять, как происходит конституирование реальности в мире обыденного опыта (т.е. в пространстве повседневной жизни), феноменологическая социология представила процесс конструирования реальности как «незапланированный» результат коллективной деятельности людей. Позднее была показана зависимость индивидуальных действий и межиндивидуальных взаимодействий от интерпретативной активности их участников [16].

Следующий важный шаг в этом направлении сделали П. Бергер и Т. Лукман, построившие модель «общественного производства», когда взаимодействующие друг с другом люди, сами того не зная, формируют то, из чего состоит общество: институты, знание, язык [17]. Механизмы конструирования реальности, называемого авторами социальным, предложены следующие: хабиитуализация, седиментация, интерпретация, реификация. В самом общем виде социальное конструирование реальности, по версии П. Бергера и Т. Лукмана, выглядит следующим образом. Повторение одних и тех же действий в каждодневном взаимодействии индивидов друг с другом постепенно превращается в привычку (хабиитуализация) и затем фиксируется в языке, то есть «оседает» (седиментация) в словесно-символических структурах, усваиваемых индивидами в процессе социализации. Благодаря хабиитуализации и седиментации действия индивидов поддаются объяснению самим действующим и могут быть поняты взаимодействующими с ним людьми (интерпретация), что превращает их в социальные вещи (реификация), то есть в структуры, институты и ценности, из которых и состоит реальность.

Среди наиболее значимых работ, описывающих конструирование реальности в социальном взаимодействии, можно отнести исследования Дж. Серля и Б. Латура. Эти авторы дали довольно различные варианты социального конструктивизма, что отнюдь не выглядит случайным, если учесть их принадлежность к разным философским школам и направлениям. Д. Серль в своей философии рассматривает уже отдельно социальную реальность, которая конструируется посредством речевых актов. Будучи автором теории речевых актов, примыкая к одной из ветвей аналитической философской традиции, американский исследователь концентрирует свое внимание на том обстоятельстве, что социальные факты и социальные институты, из которых и складывается социальная реальность, имеют значение и обретают смысл в контексте коллективной интенциональности, из которой он выводит институциональные факты. Сложные схемы перехода от одних элементов к другим позволяют описать на языке теории речевых действий традиционные для социологической онтологии объекты. Но при этом Д. Серль полностью разделяет тезис о том, что социальная реальность возникает независимо от чьей бы то ни было воли и целеполагания. В его версии люди, живущие по правилам, сами их не осознают, но имеют бессознательные, абстрактные способности, благодаря которым они могут ориентироваться в мире и взаимодействовать с ним. «Я уже говорил, — пишет Дж. Серль, — что структура человеческих институтов — это структура конститутивных правил. Я также сказал, что люди, которые участвуют в учреждениях, обычно не осознают эти правила; часто они даже имеют ложные представления о природе учреждения, и даже сами люди, создавшие учреждение, могут не знать о его структуре» [18. Р. 128].

Акторно-сетевая теория, одним из главных представителей которой является Б. Латур, претендует на описание общества, которое здесь мыслится

не как совокупность людей или совокупность отношений между людьми, а как структура, включающая в себя и людей, и вещи, которые производят, используют, хранят и оценивают люди. Более того, в акторно-сетевой теории вещи наделяются статусом активных агентов, действующих наряду с людьми. Как отмечал Б. Латур, «этическое, политическое и эмпирическое открытие существования иерархий, асимметрий и неравенства; открытие того, что ландшафт социального мира разнообразен, как пересеченная и гористая местность; что никакой энтузиазм, свободная воля или изощренность ума не могут заставить эти асимметрии исчезнуть; что все они тяжелым, как пирамиды, препятствием стоят на пути индивидуального действия, и они-то и служат объяснением того, почему общество нужно рассматривать как реальность *suī generis*» [19. С. 90].

Таким образом, перед нами три варианта социального конструктивизма. П. Бергер и Т. Лукман полагают, что вся реальность, как природная, так и человеческая, конструируется социально. Внешний мир существует, но он объективен, тогда как реальность и объективна, и субъективна одновременно. Дж. Серль пишет о том, как конструируется социальная реальность, видимо полагая, что физическая реальность постигается физиками, а социальная реальность — социологами. Разница между первой и второй в том, что первая возникла независимо от человека и общества, являясь продуктом естественной эволюции, тогда как вторая постоянно продуцируется и репродуцируется взаимодействующими друг с другом людьми. Несмотря на ее рукотворный характер, она нуждается в научном изучении ничуть не меньше, чем реальность физическая потому, что создающие ее люди ничего не знают об этом результате своей активности. Одновременно с этим Б. Латур предлагает считать социальную реальность не реальностью действий, отношений и институтов, а реальностью, объединяющей все, что имеет значение для человека. Поэтому наряду с действиями, отношениями и институтами в нее включаются все физические (материальные) объекты, которые, в силу своего участия в экономических, или социокультурных отношениях между людьми, не составляют отдельной физической реальности.

Итак, реальность может быть сконструирована двумя различными способами. Реальность может быть сконструирована интеллектуально, если ее конструированием занимаются теоретики, обобщающие результаты наблюдений, измерений, экспериментов, а также анализа и обобщения собранной эмпирики. В этом случае реальность конструируется целенаправленно и планомерно, а ее базовые параметры, такие как математизируемость, рассчитываемость и прогнозируемость отдельных проявлений заранее заданы и четко определены. В то же самое время реальность может быть сконструирована социально, когда целерациональные действия множества людей создают ее чуть ли ни неожиданно для самих себя как побочный продукт своей деятельности. Такая реальность, не имеющая ничего общего с индивидуальными целями создающих ее людей, не предполагает и заранее заданных параметров, что таит в себе немало угроз, но и открывает невиданные возможности.

Интеллектуальное конструирование виртуальной реальности

Интерес к понятию цифровой реальности во многом обусловлен той ролью, которую сыграли процессы цифровизации в жизни человека и общества. Долгое время цифровая реальность отождествлялась с реальностью виртуальной, ибо под виртуальной реальностью понималась прежде всего реальность, порождаемая при помощи компьютеров для имитации восприятия обычной реальности. Такая реальность создается средствами новейшей цифровой техники, и в этом смысле она является цифровой. Фактически ее назначение — замена в восприятии того мира, который мы воспринимаем обычно при помощи органов чувств. Эти органы, будь то зрение или слух, осязание или обоняние, могут получать импульсы от окружающих нас вещей, а могут воспринимать в качестве сигналов этих вещей электротехнические симуляции. Впервые в этом смысле понятие виртуальной реальности использовал французский конструктор Ж. Ланье, внесший огромный вклад в создание компьютерных игр нового типа. Основанная им компания VPL (Visual Programming Language) Research, Inc., специализировалась на производстве технических устройств, способных породить реальность, похожую на настоящую. Речь идет о виртуальном шлеме, специальных перчатках и, конечно же, компьютерных программах, позволяющих генерировать имитационные импульсы.

То, что порождаемый мир иллюзорен, не вызывает сомнений — что и позволяет обратиться к схоластическому термину «virtual». Но если в средние века виртуальность — это заблуждение, неуправляемая кажимость, то в мире компьютерных игр виртуальностью становится возможно управлять, как на стадии разработки, так и на стадии самой игры. И вмешательство посредством виртуализирующей техники в сознание человека, в его внутренний мир становится частью его собственного целеполагания или средством манипуляции со стороны других людей, независимо от того, каковы их намерения. Таким образом, вместе с расширением возможностей человека быть проектом самого себя, расширяются возможности злоупотреблений со стороны других. Новые горизонты познания мира и самопознания возникают вместе с новыми угрозами и новыми вызовами, причем относятся эти новые угрозы и вызовы как к индивиду, так и ко всему человеческому роду [20].

Таким образом, сегодняшнее обращение к понятию виртуальности в рамках теоретического мышления трактует его совсем в ином смысле, нежели средневековые теологи или новоевропейские математики. При этом, как отмечает М. де Ланда, современные виртуалисты используют в качестве инструментов построения виртуальной реальности такие приемы классической математики, как фазово-портретный подход к пространству состояний, разработанный А. Пуанкаре или идею прогрессивной спецификации виртуальных множеств с помощью каскадов, нарушающих симметрию, предложенную подходе, предложенную Э. Галуа. М. де Ланда определяет современную теорию виртуальности как особую технологию, которая стирает различие между

виртуальным и реальным. За исходный пункт берется тезис о том, что к действительности причисляется все нуждающееся в объяснении [21. Р. 70—71].

При рассмотрении сущности виртуального многие философы демонстрируют стремление понизить его онтологический статус, отнести его к разряду неподлинного бытия. Такова позиция С.С. Хоружего, назвавшего виртуальную реальность недородом. «Виртуальная реальность, виртуальные явления характеризуются всегда неким частичным или недоовоплощенным существованием, характеризуются недостатком, отсутствием тех или иных сущностных черт явлений обычной эмпирической реальности. Им присуще неполное, умаленное наличествование, не достигающее устойчивого и пребывающего, самоподдерживающегося наличия и присутствия» [22. С. 54].

Но если встать на позицию последовательного конструктивизма, то любая реальность представляется виртуальной. Ни одна реальность не дана нам в повседневном опыте, ее понимание связано с рядом умственных усилий, сформировавших традицию теоретического мышления. Не случайно Ж. Делез писал: «“Проблематичное” — состояние мира, измерение системы и даже ее горизонт, очаг: оно указывает именно на объективность Идеи, реальность виртуального» [23. С. 336].

Таким образом, виртуальная реальность, порожденная ИТ-технологиями, есть не что иное, как итог интеллектуального конструирования реальности [24]. Создатели компьютерных моделей и соответствующих технических устройств прекрасно знают, каковы будут параметры этой реальности [25]. Точно так же как заранее знали о параметрах конструируемого мира Галилей, Ньютон и другие. Рождаемая проектировщиками искусственная среда имеет заранее заданные параметры, имитирующие естественные среды, что и позволяет называть ее реальной.

О возможностях социального конструирования цифровой реальности и о рисках, с этим связанных (вместо заключения)

Сегодня, когда говорят о цифровой реальности, имеют в виду нечто отличное от виртуальной реальности, несмотря на то, что создаваемая при помощи компьютеров виртуальная реальность, конечно же, является цифровой, а любая цифровая реальность не может быть ничем иным, как детищем ИТ-технологий. Но компьютеры сегодня стали буквально вездесущи, они активно применяются и физиками, и социологами, и вообще всеми теми, кто участвует в интеллектуальном конструировании реальности. Между тем, помимо цифрового содержания какой-то отдельной, специально созданной проектировщиками виртуальной реальности, пора говорить и о другой цифровой реальности, стихийно складывающейся в процессе эксплуатации множества виртуальных реальностей, соединенных вместе посредством различных ИТ-технологий и соответствующих им гаджетов. Эта новая реальность конструируется социально, она никем не спроектирована и никем не спрогнозирована, ее законы и свойства еще только предстоит изучить.

Возможно, ее роль в жизни человека будет столь же велика, как и роль привычного нам доцифрового общества с его нормами и ценностями, структурами и институтами. Возможно, это новое цифровое общество будет в своих описаниях и самоописаниях не столь схожим с доцифровым обществом, и не структуры, ценности или институты будут объяснять смысл всего в нем происходящего. Пока еще неясно, сохранит ли свое значение прежняя дихотомия каузального и телеологического, столь важная для понимания различия природных и социальных явлений. Но уже сейчас очевидно, что изменения будут радикальными и затронут все стороны жизни человека и общества, их воздействие неизбежно отразится на разнообразных социальных практиках. Не вызывает сомнения и то, что стихийно возникающая цифровая реальность затронет все основные элементы человеческого целеполагания, активно вторгаясь в глубинные слои человеческой экзистенции.

Как известно, альтернативой стихийной цифровизации выступают попытки проведения современными государствами целостной цифровой политики, что дает возможность противопоставить социальному конструированию цифровой реальности конструирование интеллектуальное. Но может ли последнее заместить собою первое? Ответа на этот вопрос пока нет. Между тем попытки зарубежных и отечественных акторов планомерно создавать цифровую реальность или хотя бы поставить ее под свой контроль вызывают опасения у широких слоев общественности, опасаящихся появления на свет того, что они именуют «электронным концлагерем». Так, например, власти Москвы с 1 июля 2020 г. в особом (экспериментальном) режиме создают необходимые условия «для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта». И хотя среди заявленных целей провозглашается повышение качества жизни населения, а среди принципов — защита прав и свобод человека, многие сомневаются если не в искренности разработчиков, то в осуществимости их намерений. При этом противники «цифрового рабства» не учитывают, что изменения, происходящие стихийно, могут таить в себе не меньшую опасность, чем злонамеренные планы владельцев технологий или власть имущих.

Список литературы

- [1] Кант И. Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994.
- [2] Пржиленский В.И. Идея реальности и эпистемологический конструктивизм // Вопросы философии. 2010. № 11. С. 105—114.
- [3] Putnam H. Mathematics, Matter and Method, Cambridge : Cambridge University Press, 1975.
- [4] Fraassen B.C. van. Structure: Its Shadow and Substance // The British Journal for the Philosophy of Science. 2006. № 57(2). P. 275—307.
- [5] Ladyman J., Ross, Spurrett D., Collier D. Every Thing Must Go. Metaphysics Naturalized. New York : Oxford University Press, 2007.

- [6] Лекторский В.А., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г., Труфанова Е.О., Пирожкова С.В., Розин В.М. Конструктивизм vs реализм // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 43. № 1. С. 19—53.
- [7] Рокмор Т. Кант о репрезентационизме и конструктивизме // Эпистемология и философия науки. 2005. Т 3 №1. С. 35—46.
- [8] Пржиленский В.И. «Реальность»: социально-эпистемологическое исследование // Вопросы философии. 2013. № 9. С.91—106.
- [9] Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1989.
- [10] Эйнтштейн А. Собрание научных трудов в 4 т. Т. 4, М. : Наука, 1967.
- [11] Harman G. Fear of Reality: On Realism and Infra-Realism // *The Monist*. 2015. № 3. Р. 1. 1—19.
- [12] Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.
- [13] Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х томах. Т. II. М. : Мысль, 1971.
- [14] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999.
- [15] Sorokin P. Fads and Foible in Modern Sociology and Related Sciences. Chicago: Henry Regnery, 1956. Р. 102—130.
- [16] Preston B. Of Marigold Beer: A Reply to Vermaas and Houkes. *The British Journal for the Philosophy of Science*. 2003. № 54(4). Р. 601—612.
- [17] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995.
- [18] Searle J. *The Construction of Social Reality*. New York : Free Press, 1995.
- [19] Латуш Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд.дом Высшей школы экономики, 2014.
- [20] Pettit P. The Virtual Reality of Homo Economicus // *The Monist*. 1995. Vol. 78, No. 3. Р. 308—329.
- [21] Landa M. *de. Intensive Science And Virtual Philosophy On Deleuze*. London : Continuum, 2002.
- [22] Хоружий С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 53—68.
- [23] Делез Ж. Различие и повторение. СПб. : Петрополис, 1998.
- [24] Floridi L. Against digital ontology // *Synthese*. 2009. № 168. Р. 151—178.
- [25] Thébault K.P.Y. Quantization as a Guide to Ontic Structure // *The British Journal for the Philosophy of Science*. 2016. № 67(1). Р. 89—114.

References

- [1] Kant I. *Critique of Pure Reason*. Moscow: Mysl'; 1994. (In Russian).
- [2] Przhilenskiy VI. The Idea of Reality and Epistemological Constructivism. *Voprosy filosofii*. 2010;(11):105—114. (In Russian).
- [3] Putnam H. *Mathematics, Matter and Method*. Cambridge: Cambridge University Press; 1975.
- [4] Fraassen BC van. Structure: Its Shadow and Substance // *The British Journal for the Philosophy of Science*. 2006;57(2):275—307.
- [5] Ladyman J, Ross D, Spurrett D, Collier J. *Every Thing Must Go. Metaphysics Naturalized*. New York: Oxford University Press. Inc.; 2007.
- [6] Lectorskiy VA, Pruzhinin BI, Shchedrina TG, Trufanova EO, Pirozhkova SV, Rozin VM. Constructivism vs realism // *Epistemology and philosophy of science*. 2015;43(1):19—53. (In Russian).

- [7] Rockmore T. Kant on Representationism and Constructivism. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2005;3(1):35—46. (In Russian).
- [8] Przhilenskiy VI. “Reality”: socio-epistemological study. *Voprosy filosofii*. 2013; (9):91—106. (In Russian).
- [9] Descartes R. *Sochineniya. V 2-kh tomakh. T.1. [Collection of works in 2 vols. Vol. 1]*. Moscow: Mysl'; 1989. (In Russian).
- [10] Einstein A. *Sobranie nauchnykh trudov v 4 t. T.4. [Collection of scientific works in 4 vols. Vol. 4]*. Moscow: Nauka; 1967. (In Russian).
- [11] Harman G. Fear of Reality: On Realism and Infra-Realism // *The Monist*. 2015;(3):1—19.
- [12] Husserl E. *The crisis of European sciences and transcendental phenomenology*. St. Petersburg: Vladimir Dal'; 2004. (In Russian).
- [13] Bacon F. *Sochineniya. V 2-kh tomakh. T. II. [Collection of works in 2 vols. Vol. II]*. Moscow: Mysl'; 1971. (In Russian).
- [14] Foucault M. *Discipline and Punish. The Birth of Prison*. Moscow: Ad Marginem; 1999. (In Russian).
- [15] Sorokin P. *Fads and Foible in Modern Sociology and Related Sciences*. Chicago: Henry Regnery; 1956.
- [16] Preston B. Of Marigold Beer: A Reply to Vermaas and Houkes. *The British Journal for the Philosophy of Science*. 2003;54(4):601—612.
- [17] Berger P, Luckman T. *Social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge*. Moscow: Medium; 1995. (In Russian).
- [18] Searle J. *The Construction of Social Reality*. New York: Free Press; 1995.
- [19] Latour B. *Reassembly of the social: an introduction to actor-network theory*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2014. (In Russian).
- [20] Pettit P. The Virtual Reality of Homo Economicus. *The Monist*. 1995;78(3):308—329.
- [21] Landa M de. *Intensive Science and Virtual Philosophy on Deleuze*. London: Continuum; 2002.
- [22] Khoruzhiy SS. Genus or Non-Genus? Notes on Ontology of Virtuality. *Voprosy filosofii*. 1997;(6):53—68. (In Russian).
- [23] Deleuze J. *Difference and repetition*. St. Petersburg: Petropolis; 1998. (In Russian).
- [24] Floridi L. Against digital ontology. *Synthese*. 2009;(168):151—178.
- [25] Thébault KPY. Quantization as a Guide to Ontic Structure. *British Journal for the Philosophy of Science*. 2016;67(1):89—114.

Сведения об авторе:

Пржиленский Владимир Игоревич — доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия (e-mail: vladprnow@mail.ru).

About the author:

Przhilenskiy Vladimir Igorevich — Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia (e-mail: vladprnow@mail.ru).